

БЕССМЕРТИЕ

12 августа исполнилось 90 лет со дня рождения русского поэта Михаила Николаевича Сопина.

Однажды Александр Цыганов спросил: “Хотите познакомиться с Сопиным? – Хочу”, – я ответил. И вскоре мы встретились. Сопин назначил время (был яркий весенний или летний день) и место – в центре Вологды, на площади Революции...

По фотографии я знал его: седые волосы, впалые щёки, глаза... Взгляд его был протыкающий. Ладонь острая, узкая, сухая и твёрдая.

– Сними с себя маску поэта и покажи всем свою рожу! – первые его слова (я тогда ещё и стихи писал). И дальше, не давая опомниться, сказать что-то: – Писать нужно так, как будто держишь в руке гранату с выдернутой чекой! Писать без внутренней силы – всё равно, что читать “Отче наш” с матюгами!

Надо ли говорить, что я был поражён. А он (потом уж я узнал) всегда так – сразу главное, сразу – в душу.

Я помню его последнее выступление в филармонии накануне или в сам День Победы 2004 года. Оказывается, привезли Михаила Николаевича уже из больницы. Туда же и увезли сразу после выступления. Было видно, что он болен. Но он исполнял свой солдатский долг. И исполнил его до конца. Он умер 11 мая 2004-го.

В фильме Александра Сидельникова, замечательного режиссёра, убитого снайпером в октябре 93-го у Белого дома, “Вологодский романс” Сопин сказал, кажется, так: “Россия – это, всё-таки, бессмертие”. Поэт Михаил Сопин – неотделимая часть бессмертной России.

Дмитрий Ермаков

МИХАИЛ СОПИН

* * *

*В каком это будет году?
Буранами,
Яровью ль синей,
Я прежней Россией пройду,
Представ перед новой Россией.
Упрёка не выскажу я,
Свободный от плёток,
От клеток.
Я клял тебя —
Раб пятилеток.
Я был им.
И жил не живя.
Привет тебе, век, исполать,*

*Приветь меня, вечного мима!
О чём не пришлось мне желать —
Всё мимо:
Ни дома, ни дыма.
Бог с ним, двум смертям не бывать.
Успеть бы к родимой купели.
Не стоит меня отпевать.
Ещё в колыбели отпели.
Дождями прильёт лебеду.
Домой,
Через степь,
По туману
В простор на закат я пойду
И степью туманною стану.*

* * *

*Дым над осенью,
Резкий и синий.
Едкой гарью
Октябрь напоён.
Дым. И дождь
По военной России,
Проникающий в сердце моё.
Дождь:
По горьким солдатским усмешкам,
По глазам,
По стальному стволу.
Догорают избы головешки.
А над полем — кувшин на колу...
Кони. Кони.
Блестят, как тюлени.
Где-то справа машины гудят.
Прикрываю руками колени,
Меж лопаток —
Мурашки дождя.
Я не знаю, зачем,
Но запомню:
Что-то слышно
В недалёней пальбе.
Что-то думают мокрые кони
О своей
И о нашей судьбе.
Начинается новая эра,
Отсекая дороги назад.
Я рождаюсь вот здесь,
В сорок первом,
Мёртвым сверстникам
Глядя в глаза.*

* * *

*Чем дальше, тем выше
Дома —
Одиночества глыбы.
В распятые дали
Бетонные гвозди прожгли.
Всё меньше на свете*

*Живых родничков и улыбок,
Наследственных песен
И древностей русской земли.
Зачем тут гаданья?
Всмотритесь, как в сумраке сером
Плодя одиночек,
Стремится, не глядя назад,
Панельная мёрочь,
Железобетонная эра,
От серных дождей
Опустив капюшон на глаза.*

* * *

*Отчаяние?
Нет. Я устаю
От трескотни речей, от политралли.
От лжеповодырей,
Что обокрали,
На нищенство пустив, страну мою.
Зачем меня вести? Я не ослеп.
Устал — не знаю, как сказать яснее, —
От мерзости,
Что жрёт
Народный
Хлеб
Десятки лет,
Нисколько не краснея.*

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Стоишь ты,
Руки на груди скрестив,
А ветер
Тихо волосы колышет.
Я помню всё.
Хочу сказать:
“Прости...”
Но сквозь года и вёрсты
Не услышишь.
И вот теперь,
Изведав столько бед,
И роком злым
Любим и охраняем,
Я говорю,
Но только не тебе,
А в стылый сумрак
Горечь слов роняя.
Их слышит путь,
Каким, устав шагать,
Уж столько лет
Влачусь я одиноко.
Их слышат ночь
И мрачная тайга,
Да ветра вой,
Что бьётся в наледь окон.
И ты — в глазах...
Усталость рук скрестив,*

Стоишь,
И время образ твой колышет.
И я, хрипя,
Кричу тебе: “Прости!..”
Но с каждым годом
Тише, тише, тише...

* * *

Моим родимым —
Леночке с Вадимом

Бой глуше. Дальше. Стороной.
Я обречён державной кликой
Беззвучно плакать
Над страной
В период гласности великой.
Всё больше павших и калечных.
Всё громче слава о войне.
И страшно то,
Что страх во мне
Истлел.
Испелелся.
Навечно.
К тому и шли, мечту веков
Осуществив впервые в мире!
Дым разнесло, в державном тире —
Ни белых, ни большевиков.
Кто устремился к грабежу,
Кто — к ностальгии о тиране.
Прижав ладонь к тяжёлой ране,
На бруствере один лежу.
Мне, отшагавшему в строю,
Сценарий ясен:
Враг дал дёру.
Приспело время мародёру —
По душу смертную мою.

* * *

Я пришёл в этот мир
Промотать своё жалкое благо:
Скукоту площадей
Променять на ковыль и полынь.
По вечернему броду
Уйти под калиновым флагом,
Шумовыми дождями
Печаль обронив над былым.
В полевую страну!
В предрассветный прилив урожая.
В забетоненном грунте
Увядает живой колосок.
Слишком долго мы жили,
Свою пустоту выражая,
Докричаться пытались
Друг до друга
Сквозь жуть голосов.
В ту страну,

*Где орешник
И в росцвети дикие кущи!
Принимайте, приветьте,
Не шут я в судьбе, не позёр.
Я прощенья пришёл попросить
За стихийно идущих,
Пролетающих сослепу
Мимо ракирных озёр.
Представитель метелей,
Околиц,
Тепла в бабьем лете,
Заболел я от взглядов,
Где грусти и радости нет.
Приюти, не отринь меня, осень,
На позднем рассвете,
Когда вьюжный табун
Пластанёт
По степной стороне.*